

Влияние имплантируемых киберфизических систем на гражданскую правосубъектность физического лица

Аннотация. Статья посвящена исследованию возможных изменений в правосубъектности физического лица, которому имплантирована киберфизическая система. При имплантации КФС могут быть затронуты все элементы правосубъектности. Основное влияние КФС (особенно использующая технологии сильного искусственного интеллекта) оказывает на дееспособность физического лица, потому что КФС может влиять на волю и волеизъявление физического лица. Обозначение КФС как *persona* гражданского права видится преждевременным. Последствия имплантации КФС должны зависеть от типа КФС, потому что в случае с неавтономным КФС влияние на правосубъектность является незначительным. Если же применена КФС с полностью автономным искусственным интеллектом, есть риск возникновения конфликта интересов ИИ и человека, которому имплантирована КФС. Такая ситуация требует законодательного регулирования, в том числе определения субъекта ответственности и механизмов защиты третьих лиц. Одним из таких механизмов видится обязательное раскрытие информации об имплантированных КФС. В статье также рассмотрена возможность признания физического лица с КФС комплексным субъектом.

Ключевые слова: киберфизическая система, правосубъектность физического лица, комплексный субъект.

Алексей Владимирович АНИСИМОВ,

доцент кафедры
гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
avanisimov@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.049-057

Alexey V. ANISIMOV,

Associate professor of the Chair of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)

avanisimov@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya Moscow, Russia, 125993

The impact of implantable cyber-physical systems on the civil legal personality of an individual

Abstract. The article is devoted to the study of possible changes in the legal personality of an individual with implanted cyber-physical system. When CPS is implanted, all elements of legal personality can be affected. The main impact of the CPS (especially those using strong artificial intelligence technologies) is on the legal capacity of an individual because the CPS can

© Анисимов А. В., 2023

influence the will of an individual. The identification of the CPS as a persona of civil law seems to be premature. The consequences of CPS implantation should depend on the type of CPS, because in the case of non-autonomous CPS, the impact on legal personality is negligible. In the case of a CPS with a fully autonomous artificial intelligence, there is a risk of a conflict of interest between the AI and the person who has the CPS implanted. This situation requires legislative regulation, including the definition of the subject of responsibility and mechanisms for protecting third parties. One of such mechanisms seems to be the mandatory disclosure of information about implanted CPSs. The article also considers the possibility of recognizing an individual with CPS as a complex entity.

Keywords: *cyber-physical system, legal personality, complex subject.*

Введение

Для понимания влияния киберфизических систем на гражданскую правосубъектность прежде всего необходимо сформулировать понятие киберфизической системы (англ. cyber-physical system) (далее — КФС). КФС — это система, предполагающая интеграцию вычислительных ресурсов в физическую структуру, в том числе и человека¹.

Киберфизическая система, имплантируемая человеку, представляет собой сложное медицинское изделие, носящее временный или постоянный характер, чаще всего неотделяемое. КФС на данном этапе развития техники использует только некоторые возможности технологий искусственного интеллекта (ИИ). Однако потенциал использования данной технологии предполагает, что в скором времени появятся КФС с полным набором технологии ИИ.

В теории гражданского права правосубъектность распадается на три элемента: правоспособность, дееспособность, деликтоспособность (иногда выделяется сделкоспособность как элемент дееспособности)². Предметом рассмотрения данного исследования является возможность влияния КФС на правосубъектность лица, которому она имплантируется.

КФС как persona в гражданском праве

Правоспособность физического лица не должна зависеть от имплантации ему КФС. Однако ограничение правоспособности допускается согласно п. 3 ст. 55 Конституции РФ посредством принятия федерального закона в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности,

¹ Cyber-Physical Systems: From Theory to Practice / D. Rawat, J. Rodrigues, I. Stojmenovic. CRC Press, 2016. ISBN 978-1-4822-6333-6.

² Подробнее см.: Ермолаева Т. А., Ананьева А. А. Гражданская правосубъектность физических лиц: эволюция содержания // Lex russica. 2019. № 12. С. 9—18.

здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В целом это положение дает законодателю возможность ограничить права лиц с имплантированным КФС в том случае, если КФС будут оказывать существенное влияние на здоровье граждан, а также угрожать правам и интересам других лиц.

Если представить утопический сценарий, в котором КФС смогут влиять на поведение лиц, которым они имплантированы, законодательно потребуется определение отдельного статуса таких лиц, но определение такого статуса будет лежать уже вне гражданско-правовой плоскости, а скорее — в плоскости конституционного права и основ законодательства, а также, возможно, соматических прав. Но ограничение прав не должно нарушать общие права человека, т.е. поражение в определенных правах может быть компенсировано через другие институты, например институт представительства.

Важным аспектом данной проблематики является использование КФС с технологиями искусственного интеллекта разной степени автономности. Так, можно говорить об автономных и полуавтономных КФС. Автономные КФС могут использовать все технологии так называемого «сильного ИИ» (strong AI). При применении автономных КФС необходимо говорить об изменении статуса субъекта в силу того, что потенциально субъектом может быть признан ИИ, у которого должны быть все элементы правосубъектности.

Возможности появления ИИ как отдельного субъекта пока достаточно призрачны, но все же необходимо рассматривать и такой сценарий. Однако на данном этапе технического развития кажется целесообразным рассматривать в качестве субъекта только человека, которому имплантирована автономная КФС.

В резолюции Европарламента от 16.02.2017³ о применении норм гражданского законодательства к роботам предлагает рассмотреть вариант появления электронных лиц в случае использования сильного ИИ. Возможность появления электронного или цифрового лица отсылает нас к самому понятию лица в праве.

Вопросы понятия лица в праве и статуса робота как лица рассматривались в работах Г. А. Гаджиева и Е. А. Войниканис⁴. В рамках исследования авторы обращаются к ряду трудов римских цивилистов, в которых подчеркивается, что «юридическая личность» и сам человек римскими юристами никогда не отождествлялись: слово *persona* использовалось с глаголами «носить», «представлять», «исполнять», «сохранять» (*gerere, tenere, sustinere, suscipere* и т.п.), но никогда не употреблялось с глаголом «быть».

Представление о том, что юридическая маска и человек, который ее носит, — одно и то же, закрепилось в европейской юриспруденции только в XIX в., во многом благодаря теории фикций Ф. К. фон Савиньи, основанной на тезисе, что «действительными субъектами права могут быть только живые люди». То есть

³ Civil Law Rules on Robotics European Parliament resolution of 16.02.2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). EP reference number: P8_TA (2017)005.

⁴ Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24—48.

употребление термина «лицо» не всегда сводится к человеку, поэтому робот также может признаваться лицом в определенных ситуациях.

Persona является многозначным словом, так как его можно понимать и как лицо, и как маску⁵. В первом смысле persona отождествлялось с людьми (раб по этой классификации в римском праве, например, не был persona), а во втором смысле этот термин отражает его юридическую природу, а не антропологическую, биологическую сущность (и поэтому этот термин можно применить к юридическим лицам).

Очевидно, что субъект права не всегда совпадает с конкретным физическим лицом. Так, субъектами права могут выступать еще не родившиеся дети (наситурусы), юридические лица, государственные органы. Даже вещи в ряде зарубежных правовых порядков иногда выступали в качестве субъекта, например, корабли признавались юридическим лицом⁶. При этом важно, что статус лица был необходим не столько для определения действий самого лица, сколько для регулирования отношений других лиц с ним.

С понятием persona во всех теоретических рассуждениях всегда связаны два понятия: воля и интерес. При наличии воли и интереса можно говорить о субъектности ИИ. В случае симбиоза человека и автономной КФС происходит слияние двух субъектов в один. О. А. Ястребов⁷ указывал, что существует опасность создания «философского зомби», системы, которая достаточно реалистично имитирует человеческое общение, но в то же время не обладает самосознанием и самоидентификацией.

Воля как правовая категория используется в большинстве отраслей права. Чаще всего под волей понимается психическое отношение субъекта к совершаемым действиям, стремление к наступлению определенных последствий и т.д.⁸ Очевидно, что воля в рамках гражданского права обнаруживает себя чаще всего в сделках. Также для гражданского права воля может проявляться в вине субъекта, т.е. в осознании и желании наступления определенных последствий.

Можно спорить о философских понятиях свободы воли или предопределенности, но для права очевидна необходимость воли для определения самостоятельности субъекта. Так, пороки воли в праве всегда имеют последствием для субъекта исключение его из правоотношения (например, признание сделки недействительной⁹). Можно предположить, что ИИ может выступать в правоотношениях с позиции субъекта тогда, когда будет существовать однозначная уверенность в автономии его воли, но и в такой ситуации целесообразно рассматривать вопрос не о наделении ИИ правосубъектностью, а о развитии инструментов

⁵ Спекторский Е. В. Юриспруденция и философия // Юридический вестник. 1913. Кн. 2. С. 72—73

⁶ U. S. Supreme Court. Tucker v. Alexandroff, 183 U.S. 424 (1902). Tucker v. Alexandroff. No. 303. January 6, 1902. 183 U. S. 424.

⁷ Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 2. Т. 13. С. 42.

⁸ См., например: Лазарева О. В. Понятие и структура воли: правовой аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 4.

⁹ ГК РФ. Ст. 177, 179.

регулирования общественных отношений между классическими субъектами права с учетом степени автономности ИИ.

Другой важной характеристикой субъекта является наличие интереса. Некоторые ученые указывают на возможность использования ИИ как агента¹⁰, тогда робот будет руководствоваться интересом своего принципала. Наличие собственных интересов у КФС можно предположить только при использовании сильного ИИ.

Дееспособность выражается в способности лица своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их¹¹. Имплантация КФС может существенно повлиять на дееспособность лица только в том случае, если мы допускаем, что КФС может повлиять на волю лица и на его психическое состояние / отношение к своим действиям.

Если КФС не влияет на поведение лица (например, если КФС используется для мониторинга и сбора данных, т.е. перемещения данных от человека к элементам КФС), должны применяться общие нормы о дееспособности физического лица. Если же движение данных и взаимодействие с КФС являются двусторонними, то в данном случае логично поставить вопрос о том, насколько субъект обладает свободой воли и независимости и не влияет ли КФС на формирование воли субъекта. В таком случае может встать вопрос о том, необходимы ли данному лицу помощь и контроль со стороны других лиц, как, например, при ограничении дееспособности или при частичной дееспособности лиц, не достигших 18 лет (по модели опеки и попечительства в смысле ст. 31 и 32 ГК РФ).

Очевидно, что на данном этапе еще рано признавать КФС отдельным лицом. Ключевым моментом является защита прав как лица, которому КФС имплантирована, так и лиц, которые с ним взаимодействуют. Возможность имплантируемых КФС полностью заменить процесс формирования воли у лица является спорной и с этической, и с правовой точек зрения. При этом следует учитывать, что разработка полностью автономных имплантируемых КФС в настоящее время возможна, скорее, в теоретическом, но не в практическом плане.

КФС и сделкоспособность

Интересным представляется и вопрос о влиянии имплантированных КФС на статус сделок, совершенных лицом с КФС. Необходимо ли в законодательстве предусматривать потенциальное неравенство лиц в сделке в случае, если одна сторона является носителем КФС, а также соответствующие механизмы юридического «выравнивания»? На наш взгляд, такого изменения законодательства не потребуется, если на момент совершения сделки будут очевидны и прозрачны формирование воли и волеизъявление каждой из сторон.

Однако возможно установить в законодательстве необходимость раскрытия информации о наличии автономной КФС в теле одной из сторон, чтобы другая

¹⁰ Михалева Е. С., Шубина Е. А. Проблемы и перспективы правового регулирования робототехники // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3. С. 26—35.

¹¹ ГК РФ. Ст. 21.

сторона обладала всей полнотой информации о процессе волеобразования у контрагента. Имплантирование полностью автономных систем человеку окажется возможным только в будущем. Поэтому на данном этапе развития и внедрения имплантируемых КФС необходимости в закреплении отдельных положений о сделках, совершенных лицами с имплантируемыми КФС, нет, однако этот вопрос, безусловно, заслуживает внимания в контексте дальнейшей разработки темы исследования.

По аналогии со ст. 177 ГК РФ сто́ит предусмотреть возможность признания сделок недействительными в связи с наличием КФС у одной из сторон в том случае, если КФС могло повлиять на волеизъявление стороны, как механизм, способствующий предотвращению потенциальных злоупотреблений. Самостоятельность воли лица как элемент сделки является существенной для определения действительности такой сделки. Поэтому при возможности КФС влиять на волю лица вопрос об оспаривании сделок станет насущной проблемой.

КФС и деликтоспособность

Для определения деликтоспособности лица с имплантированной КФС необходимо опять же отталкиваться от автономии воли такого лица. Существенным элементом ответственности физического лица является вина, которая неразрывно связана с понятием воли. Можно отметить, что наличие собственных воли и интереса не всегда отличают субъекта от объекта, но чаще всего являются необходимыми элементами для применения норм об ответственности.

Перенос ответственности на КФС может означать только признание такой системы отдельным субъектом права, что в настоящее время не представляется возможным. Наличие у субъекта имплантированной КФС, на наш взгляд, не должно освобождать его от ответственности. Можно сравнить это с другим гражданско-правовым институтом — ответственностью за вред, причиненный источником повышенной опасности. Так, КФС может быть признана таким источником в том случае, когда ее элементы оказывают влияние на поведение человека.

Носитель автономной КФС с сильным ИИ может рассматриваться как *sui generis* — симбиоз двух субъектов, и в такой ситуации необходимо разрабатывать отдельные подходы к регулированию его ответственности. Но если не признавать ИИ особым субъектом, то КФС должна рассматриваться как объект, инструмент субъекта.

Резолюцией Европарламента от 16.02.2017¹² определены две модели ответственности, которые потенциально могут быть использованы для определения ответственности робота:

- 1) ответственность независимо от вины;
- 2) риск-ориентированный подход, когда ответственным признается то лицо, которое способно было минимизировать риск.

¹² Civil Law Rules on Robotics European Parliament resolution of 16.02.2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). EP reference number: P8_TA (2017)005.

Резолюция закрепляет, что в настоящее время необходимо руководствоваться принципом ответственности человека, а не робота, но при этом указывает, что проблема ответственности является сложной и требует учета развития техники, учета автономности робота, детально изучать, возник ли вред вследствие использования роботом навыков, заложенных разработчиками, или эти навыки были приобретены роботом самостоятельно в процессе самообучения.

КФС и физическое лицо как комплексный субъект

Надивидуальные субъекты в литературе обозначаются как коллективные субъекты (иногда комплексные). В. Базаров пишет, что комплексный субъект гражданского права — это системное образование с заранее определенными целями либо без таковых, функционирующее в сфере имущественных и личных неимущественных правоотношений, действующее на постоянной либо временной основе, правомочное принимать определенные решения внутреннего организационного характера и решения, касающиеся внешней сферы деятельности, имеющее представительские органы либо уполномоченного представителя воли и интересов такого объединения¹³.

К признакам таких субъектов В. Базаров относит среди прочего системность, компетенцию, волевой признак, темпоральный признак, признак юридической ответственности. Несмотря на то, что рассмотрение комплексных субъектов больше сводится к определению статуса имущественного комплекса, данная концепция является интересной при исследовании симбиоза человека и автономной КФС, построенной на основе искусственного интеллекта.

Коллективные субъекты давно известны праву как в публичной области (народы, этносы), так и в частной (юридические лица). В случае КФС, как пишет А. М. Пономарев, механика конструирования такого рода субъекта может быть сведена к нескольким шагам:

- 1) юридические субъекты формируются как экстраполяция на едином логическом основании в правовое поле характеристик разнородных социальных субъектов (в случае КФС — ИИ признается автономным субъектом права, сходным с человеком);
- 2) юридическими нормами приписываются отношения этим логически сконструированным юридическим субъектам (КФС и человек признаются сложным субъектом);
- 3) восстановление справедливости юридическими средствами есть восстановление юридического статуса субъектов, признаваемых равными в связи с конструированием на едином логическом основании;
- 4) восстановление социальной справедливости есть верификация обосновываемых логико-дискурсивным способом притязаний социального актора на статус определенного юридического лица¹⁴.

¹³ Базаров В. Б. Понятие комплексных субъектов российского гражданского права // Власть. 2014. № 1. С. 121—124.

¹⁴ Пономарев А. М. Юридический субъект в качестве идеального конструкта... // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 4—4. С. 62—63.

Признание коллективного субъекта субъектом права не всегда связано с его статусом юридического лица. Честь и достоинство присущи не только единичному субъекту, но и коллективному (например, честь коллектива). Как указывает Е. В. Лоос, для защиты коллективных субъектов требуется разработка специфического понятийного аппарата¹⁵. Для статуса носителя КФС признание таких коллективных субъектов служит подтверждением потенциальной возможности создания новой категории со своим понятийным аппаратом.

В настоящее время возможность признания лица с имплантированной автономной КФС коллективным субъектом видится преждевременной и спорной, потому что еще не существует возможности признания субъектом самой КФС. При этом необходимо отметить, что в целом такое развитие законодательства не является желательным по причинам, которые были рассмотрены выше.

Возможности дальнейших исследований

Изменение статуса лица с КФС в рамках гражданского права возможно только в случае, когда КФС заменяет определенные мыслительные функции и может влиять на формирование воли и волеизъявления лица, а также на его психическое отношение к происходящему. В случае, когда КФС не оказывает такого влияния, статус этого лица не должен совершенно отличаться от лица без КФС. До тех пор, пока КФС не будет являться полностью автономной, нет необходимости в создании отдельного лица и уточнении его правового статуса. Дальнейшие исследования влияния КФС на правосубъектность могут быть посвящены различным типам КФС с сильным ИИ. В этом случае основными будут вопросы сделкоспособности и деликтоспособности такого субъекта.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Базаров В. Б.* Понятие комплексных субъектов российского гражданского права // *Власть*. — 2014. — № 1. — С. 121—124.
2. *Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А.* Может ли робот быть субъектом права (поиск правовых норм для регулирования цифровой экономики)? // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. — 2018. — № 4. — С. 24—48.
3. *Ермолаева Т. А., Ананьева А. А.* Гражданская правосубъектность физических лиц: эволюция содержания // *Lex russica*. — 2019. — № 12. — С. 9—18.
4. *Лазарева О. В.* Понятие и структура воли: правовой аспект // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. — 2019. — № 4.
5. *Лоос Е. В.* К вопросу о чести и достоинстве коллективных субъектов // *Алтайский юридический вестник*. — 2017. — № 3. — С. 43—46.

¹⁵ *Лоос Е. В.* К вопросу о чести и достоинстве коллективных субъектов // *Алтайский юридический вестник*. 2017. № 3. С. 43—46.

6. Михалева Е. С., Шубина Е. А. Проблемы и перспективы правового регулирования робототехники // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 3. — С. 26—35.
7. Пономарев А. М. Юридический субъект в качестве идеального конструкта... // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2011. — № 4—4. — С. 62—63.
8. Спекторский Е. В. Юриспруденция и философия // Юридический вестник. — 1913. — Кн. 2. — С. 72—73.
9. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. — 2018. — № 2. — Т. 13.